

ОБ ОДНОЙ МНИМОЙ СЕНСАЦИИ ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 января 2013 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы учреждения Воронежского университета в 1918 г., дается оценка новейшим исследованиям проблемы эвакуации русского персонала Юрьевского университета.

Ключевые слова: Воронежский университет, основания, новейшие интерпретации.

Abstract: the article analyses the current investigations of the history of the foundation of the Voronezh State University as a result of the evacuation of the Russian personal of the Yuriev Imperial University in 1918.

Key words: Voronezh State University, foundation, curren interpretation.

Можно с удовлетворением констатировать, что история Воронежского государственного университета непрерывно пополняется. Тяга к истории вообще относится к числу сильнейших потребностей мыслящего человека. С помощью истории люди, по сути дела, познают себя. Вот почему надо приветствовать появление исторических очерков на самых разных факультетах и подразделениях университета. Собственно, история университета и складывается из истории его структурных подразделений. Отраднo, что потребность высказаться по проблемам истории своего вуза проявляется не только у историков. Очередную попытку обогатить историографию Воронежского университета предприняли недавно ученые математического факультета, обратившиеся в своей небольшой книжке к непростому сюжету об основании своего вуза [1].

Почин трех математиков, бесспорно, благороден. Авторы решили отдать дань глубокого уважения видному российскому математику, профессору Юрьевского императорского университета, дважды (в 1909–1914 и 1917–1918 гг.) являвшемуся ректором этого старейшего российского высшего учебного заведения. Как следует из приведенных авторами данных, В. Г. Алексеев действительно был талантливым специалистом, математиком и философом и как ученый заслуживает самой доброй памяти.

Однако далеко не все в коллективном труде математиков выглядит убедительно. Авторы довольно неожиданно решили вмешаться в деликатный вопрос об истории основания Воронежского университета и, будучи специалистами в области точных наук, решили поправить утвердившиеся в работах историков

положения. Сенсационный характер носит, в частности, их утверждение о том, что первым ректором Воронежского университета был именно В. Г. Алексеев, удостоенный даже титула основателя нашего вуза [1, с. 61]. Как утверждают почтенные математики, Юрьевский императорский университет «никогда не закрывался», а был эвакуирован в Воронеж, где и был реорганизован в Воронежский государственный университет [1, с. 64]. И операция эта прошла, по их мнению, под руководством В. Г. Алексеева.

Разумеется, многим сотрудникам Воронежского университета всегда было лестно ощущать себя продолжателями славных традиций университета Юрьевского. Это стремление отразилось даже в современном гербе ВГУ, на котором рядом поставлены даты 1802 г. (основание Дерптского университета) и 1918 г. (основание университета в Воронеже). А в 2003 г. руководство ВГУ даже решило наряду с 85-летием своего вуза шумно отпраздновать еще и 200-летие университета Дерптского. С таких позиций в том юбилейном году была написана и издана подготовленная под редакцией ректора И. И. Борисова и проректора С. А. Запрягаева книга «Воронежский университет. Страницы истории. Хронология» [2, с. 4].

Сугубо с житейской точки зрения в таком подходе ничего предосудительного не было. Желание продлить историю своего вуза в даль времени необычным не назовешь. Богатое историческое наследие всегда было и остается предметом особой гордости.

Но если перевести анализ событий прошлого в плоскость научного и строго выверенного знания, то приходится признать, что история создания Воронежского университета отнюдь не сводилась к перемещению университета, находившегося до 1918 г. в При-

балтике. Мне уже приходилось писать, что эвакуации Юрьевского университета как юридического лица не было, и в сложившихся к весне 1918 г. политических и правовых условиях быть не могло [3, с. 55–56]. Если бы такая эвакуация была, то тогда в Тарту пришлось бы создавать совершенно новый университет и начинать его историю с 1918 г. Между тем находившийся в Эстонии университет был оккупационными и местными властями спешно реорганизован, стал сначала Дерптским, а после признания независимости Эстонии – Тартуским. Так понимало ситуацию и Советское правительство. Председатель Совнаркома В. И. Ленин потребовал вернуть законному, как он считал, владельцу практически все вывезенное еще при царском режиме имущество бывшего Юрьевского университета. После подписания Рижского договора в 1921 г. 48 вагонов с книгами и оборудованием были из Воронежа вывезены и возвращены в Тарту. При юридически оформленной и узаконенной советской властью эвакуации Юрьевского университета такого возврата не могло бы быть.

У темы эвакуации Юрьевского университета есть существенный и деликатный аспект. При оценке ситуации должен присутствовать еще один фигурант. Я имею в виду нынешний Тартуский университет. Наши математики решили прямо высказаться в поддержку весьма амбициозного положения о том, что Воронежский университет является правопреемником Юрьевского [1, с. 7]. Очевидно, что при таком подходе не Тартуский, а Воронежский университет должен рассматриваться как настоящий продолжатель истории Дерптского-Юрьевского, его, так сказать, подлинный наследник. Однако ничего подобного ни в юриспруденции, ни в общественном сознании не происходило и не происходит. Собственно, история с возвращением эвакуированного во время Первой мировой войны имущества свидетельствует именно об этом.

Современный Тартуский университет датирует свою историю как минимум с 1802 г. и имеет на это все основания. Правда, отличающиеся избыточным патриотизмом эстонские коллеги ныне чаще всего вспоминают о 1632 г. как о времени основания своего университета. Но такие вольности с историей выглядят ничуть не лучше любых других. С сожалением приходится констатировать, что эстонские историки вообще предпочитают не вспоминать о том, что их университет продолжительное время официально именовался Юрьевским императорским и содержался за счет бюджета Министерства народного просвещения Российской империи. Поэтому эвакуация имущества Юрьевского университета в глубь страны во время военных угроз 1915–1916 гг. рассматривалась российскими властями как операция по спасению культурных ценностей, принадлежавших всему государству. Этот вывоз никак не мог и не может считаться грабежом независимой Эстонии.

Примечательно, что самым надежным источником для своего труда коллеги-математики сочли опубликованную еще в далеком 1925 г. статью профессора К. К. Сент-Илера, бывшего юрьевца, ставшего первым (по времени) проректором Воронежского университета. Собственно, публикация выдержек из этой статьи и составляет основу коллективного труда трех авторов (с 21 по 60 страницы из общего числа в 79 страниц). Однако содержание этих цитат не дает никаких оснований для выводов о решающей роли профессора В. Г. Алексеева в эвакуации и основании Воронежского университета. Опубликованные Сент-Илером распоряжения немецких и эстонских властей со всей определенностью говорят как раз об обратном – о принудительном прекращении деятельности Юрьевского университета как русского вуза. Из опубликованных Сент-Илером документов следует, что немецкие и местные власти настояли даже на запрещении вывоза из Эстонии находящегося в университете частного имущества русских сотрудников. «На этом, – заключал Сент-Илер, – кончается история Юрьевского русского Университета и начинается история Воронежского университета» [4, с. 397]. Поразительно, что процитировав этот горький вывод Сент-Илера, трое математиков предлагают прямо противоположное по смыслу заключение: «Из приведенных документов следует, что Юрьевский университет никогда не закрывался» [1, с. 64]. С математической точностью до наоборот!

Материалы из статьи Сент-Илера действительно свидетельствуют о том, что В. Г. Алексеев настойчиво пытался противодействовать агрессивным действиям немецких и эстонских властей. Но силы были слишком неравны и успеха последний русский ректор Юрьевского университета не имел. Пришлось выезжать в Воронеж с тем скромным личным багажом, который разрешили вывезти русскому персоналу. Основателем же Воронежского университета Сент-Илер нигде и никогда Алексеева не называл. Как, впрочем, и все иные участники тех событий. Тем удивительней звучат эмоциональные восклицания В. А. Костина и его соавторов.

Не менее удивительно и то, что уважаемые математики утверждают, будто историки либо не знают, либо игнорируют работу Сент-Илера. Достаточно взглянуть на именной указатель в моей книге 2003 г., чтобы убедиться в обратном. Более того, могу порекомендовать коллегам-математикам еще одну историческую работу Сент-Илера, опубликованную в юбилейном сборнике, выпущенном к 15-летию ВГУ. В нем бывший юрьевский профессор поместил статью «Юрьев–Воронеж». Здесь Сент-Илер вновь с горечью вспоминал, как после оккупации Эстонии немецкими войсками была прекращена деятельность Юрьевского университета: «Русские профессора были отстранены от преподавания, они должны были

сдать заведование лабораториями и кабинетами. Все сношения с советским правительством были запрещены. Распустили и русских студентов». «Изгнанный из Эстонии персонал университета, – подчеркивал профессор, – был, как известно, переведен из Юрьева в Воронеж, где был основан новый государственный университет» [5, с. 35–36]. Жаль, что соавторы-математики, неожиданно и без оснований упрекнувшие историков в забвении трудов Сент-Илера, сами ни разу не вспомнили этой работы – добросовестного свидетеля давних событий.

С большим сожалением приходится констатировать, что исследователи-математики вообще очень слабо ориентируются в источниках по истории родного вуза. Понимаю, что им недосуг ходить по архивам и собирать многочисленные свидетельства давних событий. Но один содержательный документ они вполне могли бы и даже обязаны были привлечь, если уж решили внести свои уточнения в историю создания ВГУ. Я имею в виду обширную рукопись еще одного участника событий – профессора Г. А. Замятина, переехавшего в Воронеж и принявшего самое деятельное участие в основании нашего университета. Характеристика этой ценной работы, озаглавленной автором «Основание Воронежского университета», дана в моей книге об истории ВГУ. Напоминаю математикам, что неопубликованный труд Замятина хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки и вполне мог быть им доступен. В работе Замятина также приведены убедительные факты прекращения деятельности Юрьевского университета и вынужденного переезда его русского персонала в Воронеж.

Вполне добросовестно и в целом объективно об истории закрытия в оккупированной немцами Прибалтике русского университета написано в обобщающем труде эстонских коллег по истории Тартуского университета, вышедшем под редакцией проф. К. Сийливаска. Опираясь на имеющиеся в их распоряжении документы, авторы коллективного труда сообщают, что 23 мая 1918 г. «комендант Тарту капитан Поль потребовал, чтобы правление и совет Юрьевского университета закончили свою деятельность к 31 мая. Последнее собрание совета состоялось 31 мая, тогда же была создана специальная ликвидационная комиссия» [6, с. 167].

У эстонских историков никогда не возникало сомнений в том, что деятельность Императорского Юрьевского университета была в результате немецкой оккупации принудительно прекращена [7, с. 293–299]. Попутно замечу, что вынужденный выезд большой группы сотрудников и студентов фактически полностью дезорганизовал деятельность оставшейся в Эстонии части бывшего Юрьевского университета. После провозглашения независимости Эстонии ее властям пришлось принимать чрезвычайные меры по возрождению университета, теперь уже Тартуского.

Как представляется, В. А. Костин и его коллеги сочли, что понятия «русский персонал» и «университет» тождественны. Только при таком подходе можно утверждать, что Юрьевский университет не прекращал своей деятельности, а перебравшись в Воронеж, преобразовал свое прежнее учебное заведение в Воронежский университет. Но это очевидная подмена понятий, тем более удивительная, что провели ее представители точной науки. Еще удивительней то, что авторы удостоили В. Г. Алексеева титула основателя Воронежского университета, не приведя при этом ни одного факта о деятельности своего героя в Воронеже. Они, правда, сообщают, что Алексеев ушел из Воронежа с белыми осенью 1919 г. По-видимому, «основатель» не пожелал связывать своего будущего с якобы основанным им университетом. Удовлетворительно разрешить этот парадокс могут, видимо, только сами математики. Полагаю, что средства из фонда С. Г. Крейна были бы израсходованы с большей пользой, если бы авторы съездили в столицу и познакомились с первоисточниками по теме и не спешили с публикацией необоснованных выводов.

В тексте анализируемой работы есть три вопроса, прямо адресованные мне как стороннику неверной и даже принижающей историческое прошлое нашего университета версии его основания. Авторы со значением вопрошают, в частности, почему я так и не нашел официального распоряжения советского правительства о прекращении деятельности Юрьевского университета. Раз не нашел, полагают они, значит, такого постановления и не было. На я уже выше сказал: Юрьевский университет как русское учебное заведение закрывался по решению немецких и эстонских властей, поскольку Юрьев (Тарту) с весны 1918 г. был занят немецкими войсками и находился вне советской юрисдикции. Советской власти закрывать в Эстонии университет не было нужды, за нее это сделали другие. Второй вопрос касается отсутствия в моей работе ссылок на официальное постановление Советского правительства об учреждении Воронежского университета. На это отвечаю, что такое постановление действительно не обнаружено. По-видимому, его и не было. Искавший такое постановление профессор географического факультета Г. Т. Гришин в одной из своих неопубликованных рукописей назвал такую дату – 1 июля 1918 г., но никаких доказательств не привел. Не дали результата и настойчивые поиски моих коллег-сотрудников Государственного архива Российской Федерации. Скорее всего, в условиях гражданской войны местные и центральные власти имели много других забот. Университет в Воронеже начал действовать, так сказать, фактически, а решающим основанием стало постановление правительства о создании Комитета по устройству университета в Воронеже во главе с проф.

В. Э. Регелем. Постановление это было принято 20 июня 1918 г. Третий вопрос касается проблемы правопреемственности. Полагаю, что по этой сложной проблеме, прежде всего, должны высказаться юристы. Но еще раз напомню, что при учреждении Воронежского университета такой вопрос ни центральными, ни местными властями не поднимался, первый советский университет Центрального Черноземья возник как вполне самостоятельный и новый вуз.

Еще один вопрос математиков кажется мне просто курьезным. Авторы хотели бы знать, что я думал по поводу основания ВГУ в 1971 г., когда нашему вузу вручали орден Ленина. На это отвечу, что я тогда работал учителем истории в средней школе и об обстоятельствах создания ВГУ вообще не думал.

Попутно замечу, что я никогда и нигде не говорил об отсутствии связи между Юрьевским и Воронежским университетами. Утверждать такое – значит отрицать очевидное. В своих работах по истории ВГУ я неизменно приглашал читателей отдать должное юрьевским профессорам, сотрудникам и студентам, прибывшим в Воронеж и в неимоверно тяжелых условиях разгоравшейся гражданской войны сыгравших решающую роль в создании одного из первых российских университетов советского времени [8]. Научные и педагогические традиции Юрьевского университета, перенесенные на воронежскую землю, сыграли самую благотворную роль в судьбе Воронежского университета. Уверенно можно говорить о том, что в становлении математического университетского образования в Воронеже решающую роль сыграл юрьевский ученый Н. П. Самбикин. При этом существенно более заметную, чем проф. Алексеев, уже хотя бы потому, что он остался в Воронеже и после завершения гражданской войны. Основы исторического образования в Воронеже закладывались юрьевскими профессорами М. Н. Крашенинниковым, Г. А. Замятиным, В. Э. Регелем. Бесценный вклад в становление Воронежского университета внесли филологи Д. Н. Кудрявский, Э. Р. Фельсберг, Е. В. Петухов, физики Н. А. Сахаров и Б. И. Срезневский, биологи К. К. Сент-Илер и М. С. Цвет, медики Н. Н. Бурденко и А. Г. Люткевич, химик А. Д. Богоявленский, геолог Н. Н. Боголюбов, юристы В. Э. Грабарь и Л. А. Шаланд и целый ряд других ученых. Именно их трудами Воронежский университет был спасен в тяжкое лихолетье российской смуты, они же поставили на ноги первые научные школы главного вуза российского Черноземья.

Есть еще один вопрос, который может дезориентировать современного читателя. Первые поколения воронежских университетских работников и студентов действительно нередко говорили о своем вузе как о «бывшем Юрьевском». Полагаю, что они имели на это моральное право. Тем самым они напоминали себе и окружающим о славных традициях дореволюционной российской университетской науки. Если угодно, это был доступный им способ борьбы за высокий статус и достойный уровень возникшего на воронежской земле университета. В словосочетании «бывший Юрьевский» звучала память о драматической истории принудительного прекращения деятельности российского университета в Прибалтике и о поистине героическом вкладе перемещенного русского персонала в становление Воронежского государственного университета.

Завершая обзор исторической работы математиков, замечу, что у Воронежского университета своя богатая и славная история. В заимствовании не принадлежащего ему исторического прошлого он не нуждается. Заложенные в первые годы его существования традиции дали прекрасные плоды: Воронежский государственный университет был и остается одним из флагманов российской высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костин В. А.* Профессор Виссарион Григорьевич Алексеев и Воронежский университет / В. А. Костин, Ю. И. Сапронов, Н. Н. Удоденко. – Воронеж, 2012.
2. Воронежский университет. Страницы истории. Хронология. – Воронеж, 2003.
3. *Карпачев М. Д.* Воронежский университет. Начало пути / М. Д. Карпачев. – Воронеж, 1998.
4. *Сент-Илер К. К.* К истории Воронежского университета / К. К. Сент-Илер // Труды Воронежского государственного университета. – Воронеж, 1925. – Т. 1.
5. *Сент-Илер К. К.* Юрьев – Воронеж / К. К. Сент-Илер // Пятнадцать лет Воронежского государственного университета. – Воронеж, 1934.
6. История Тартуского университета. – Таллинн, 1982.
7. *Эрингсон Л. К.* Из истории эвакуации Тартуского университета (1915–1918 гг.) / Л. К. Эрингсон // Вопросы истории Эстонской ССР. – Тарту, 1970.
8. *Карпачев М. Д.* Воронежский университет. Вехи истории / М. Д. Карпачев. – Воронеж, 2003.

*Воронежский государственный университет
Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru
Тел.: 8(473) 224-75-14*

*Voronezh State University
Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru
Tel.: 8(473) 224-75-14*